

Российское китаеведение

Изучение китайской культуры и образования в России в 1990-е гг.*

© 2012

С. Торопцев

В центре статьи — тенденции развития российского китаеведения в сферах культуры и образования в 1990-е гг. Автор оценивает вставшие перед китаеведением новые вызовы и задачи, выявляет основные направления исследований в филологии, языкознании, театроведении, киноведении, изобразительном искусстве и системе образования Китая, анализирует научные и переводческие проблемы, отмечает появление новых концепций в теоретической базе культурологических китаеведческих работ.

Ключевые слова: китаеведение, культура, литература, искусство, образование.

Для отечественного китаеведения, как и для многих других сфер научной и творческой деятельности, 1990-е гг. были трудным рубежом смены моделей функционирования. Предыдущий, советский, период характеризовался преимущественно государственным финансированием издательств и научных учреждений, избавляющим авторов от коммерческих забот. Это, однако, осложнялось цензурным контролем, для которого первостепенным был не творческий, а политический момент, и необходимостью вписать конкретную работу в общий поток государственного мировосприятия.

Эта отмиравшая модель надолго задержалась в форме так называемого «внутреннего редактора» — не только у работников издательств, но и у авторов, за долгие десятилетия привыкших созвучие своей работы с государственной политикой ставить выше художественного и научного уровня подготовленного к публикации произведения.

Надвигающаяся новая модель резко сменила принципы оценки. Выброшенные на рынок, не подготовленные к этому издательства вынуждены были абсолютизировать проблему «выживания», и доходность издаваемого произведения обернулась той же «цензурой», только уже не с политическими, а коммерческими акцентами. При этом нельзя не отметить, что необходимый для оптимального функционирования такой модели механизм спонсорства в России был совершенно не развит.

Торопцев Сергей Аркадьевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИДВ РАН, Заслуженный деятель науки РФ. E-mail: tor-borev@mtu-net.ru.

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ. Грант № 12–33–09006 «Основные направления и проблемы российского китаеведения».

В такой ситуации ответственность взяли на себя академические и университетские научные учреждения, которые крохотными тиражами (200—300 экземпляров, часто без права выхода на рынок сбыта) печатали в своих множительных лабораториях серьезные монографии, поддерживавшие высокий уровень отечественного китаеведения, а порой даже спонсировали публикацию в издательствах более широкими тиражами работ, позднее находивших отклик в мировом китаеведении. Лидерами китаеведческих исследований на тот период являлись московские Институт Дальнего Востока РАН, Институт востоковедения РАН, Институт мировой литературы РАН, Институт стран Азии и Африки при МГУ и Восточный факультет СПбГУ — то есть те научные учреждения, чьи исследовательские традиции закладывались десятилетиями. Именно в этот период сотрудники группы литературы и искусства ИДВ РАН были сконцентрированы на создании монументальной «Энциклопедии духовной культуры Китая». Разделы «Литература» и «Искусство», написанные вместе с коллегами из других востоковедных учреждений Москвы и Санкт-Петербурга, включали в себя статьи по литературе (В.Ф. Сорокин, Д.Н. Воскресенский, К.И. Голыгина, А.Н. Желоховцев и др.), театру (И.В. Гайда — современный театр, С.А. Серова — традиционный театр), кинематографии (С.А. Торопцев), изобразительному искусству (С.Н. Соколов), архитектуре (Н.Ю. Демидо), музыке (А.Н. Желоховцев), песенно-повествовательному искусству (Н.А. Спешнев). Эта эпохальная работа, завершенная в 2000-е гг., — шеститомная «Энциклопедия духовной культуры Китая» — была отмечена Государственной премией РФ.

Целая серия коллективных публикаций сотрудников группы литературы и искусства ИДВ РАН, начатая с 1970-х гг., в целом очертила трудный, извилистый путь китайской культуры в разных аспектах ее проявления: литература, театр, кинематография, изобразительное искусство, образование. В 1990-е гг. эта серия была продолжена¹.

Важнейшей особенностью этого периода, принципиально определившей его структурные изменения и достижения, стала открытость государства и общества. Китаеведы получили возможность непосредственного наблюдения за жизнью литературы и искусства Китая во время научных командировок и стажировок в стране, знакомства с научной деятельностью западных коллег и методологией их анализа, отличающейся от принятой в нашей стране в советский период. Сближение с мировым научным сообществом принципиально изменило российское китаеведение.

Поскольку глубокое проникновение в художественную ментальность китайского автора не будет полноценным без творческого освоения его наследия, данная статья не ограничивается собственно научными изысканиями, а освещает также публикации переводов художественных текстов, пьес, кинематографических сценариев, произведений изобразительных искусств (альбомов картин и скульптур). Кроме того, если китаеведение как наука будет отделено от читательских и зрительских масс, оно зачахнет, ему необходимы эрудированные и созвучные реципиенты, и потому распространение художественного артефакта должно быть заботой не одного только транслятора, но и китаеведческой науки в целом.

Одной из наиболее высоких вершин китаеведческих исследований десятилетия стала нестандартная, выдающаяся книга К.И. Голыгиной, в которой развитие китайской прозы анализируется в контексте эволюции космогенической ментальности китайцев, формулируются основные черты китайской модели мира и ее структуризация в филологических и эстетических системах неоконфуцианства².

Серьезным вкладом в анализ китайской культуры явилась многогранная работа известного синоведа В.В. Малявина. В двух своих монографиях он дал панораму художественной культуры, миропонимания и быта Китая в XVII в. — времени, когда искусство и весь жизненный уклад получили, с одной стороны, полное и утонченное выражение, а с другой стороны, подошли к закату традиционной культуры. На примере различных видов искусства — живописи, каллиграфии, архитектуры, театра, скульптуры — ав-

тор выявил общую основу художественного канона, проследил соотношение в китайской традиции культуры, природы и человека, подробно остановившись на символизме китайской культуры³. В.В. Малявин проанализировал общие вопросы практики духовного развития человека в традиционных китайских учениях, затронул проблемы влияния этих практик на культуру, «просветления сознания» субъектов творческого процесса⁴. Его перу принадлежит новаторское комплексное исследование цивилизационной конструкции Китая, в том числе письменности, литературы, искусства, — широкое полотно китайского быта, ментальности, духовности⁵.

Работы российских ученых не ограничились рамками одной дисциплины, а вышли в пространство культурологии как единого комплекса различных ветвей культуры⁶.

Филологические исследования

Изучение литературы во всех ее модификациях (проза, поэзия, мифология) и временных пластах (древность, медиевистика, современность) изначально (с XIX в.) было ведущей характеристической спецификой отечественного китаеведения. Оно исходило из того, что в основе формирования китайской ментальности лежит сакральное почтение к Слову. Термин *вэнь*, каким во все века обозначали изящную словесность, первичным своим значением имеет «небесные узоры», и с такого «космического» ракурса китаец обычно и взирает на литературу.

К 1990-м гг. в нашем китаеведении сложился прочный фундамент переведенных текстов и их интерпретации. Надо, однако, заметить, что переводы прозы, сделанные знатоками китайского языка, в массе своей игнорировали достижения блестящей советской переводческой школы, рассматривавшей перевод литературного текста не как механическую подстановку слов своего языка к словам оригинала, а как творческую работу, «воссоздающую», по формулировке М. Лозинского, художественную поэтику оригинала. Они были выполнены нередко на уровне грамотного подстрочника, что, конечно, не придавало оригиналу авторитета и не завоевало для китайской литературы достаточно широкого читателя. В части переводов китайской литературы на русский язык в 1990-е гг. серьезных новаций не наблюдалось. В основном, это были перепечатки того, что публиковалось в предыдущие десятилетия.

Однако в этот период вышел ряд переводов произведений, представляющих «неофициальную» эротическую литературу, которые не удавалось опубликовать в предшествующие периоды отечественной истории⁷. Представительную антологию древнекитайской литературы подготовил И.С. Лисевич⁸.

Среди новых переводов, сделанных большой группой китаеведов, обратила на себя внимание работа писателей Чжан Синьсинь и Сан Е, которые выпустили беллетризованные интервью с самыми разными представителями народа, дав срез социального и ментального облика китайцев⁹. Были продолжены переводы классика современной литературы Ба Цзиня¹⁰, вышел сборник новейшей прозы¹¹.

Больше повезло поэзии, которую донесла до читателя целая плеяда талантливых переводчиков (Л.Е. Черкасский¹², Л.Н. Меньшиков, И.С. Голубев, Г.Б. Ярославцев), а также известных поэтов, среди которых выделяется великая Анна Ахматова, которой даже подстрочник не преградил глубокое проникновение в поэтический мир оригинала. Нельзя не отметить небольшой сборник, вошедший в себя переводы патриарха отечественного китаеведения академика В.М. Алексеева¹³, поскольку любые публикации этого выдающегося ученого вносят значительный вклад в наши китаеведческие штудии.

Среди работ такого плана, многие из которых представляют собой перепечатки ранее уже опубликованных произведений, стоит обратить внимание на антологию¹⁴ — частичное повторение выпущенного в 1970-е гг. издательством МГУ сборника средневековой пейзажной лирики, составленного И.С. Лисевичем. В переводах И.С. Голубева,

С.А. Торощева (непосредственно с китайских оригиналов), поэта Э.В. Балашова (по подстрочникам И.С. Лисевича) китайское стихотворение на русском языке воспроизводит элементы духовного контента оригинала.

Исследования китайской литературы в нашей стране чаще всего шли по линии истории литературы, то есть произведения вставлялись в последовательный каркас литературного и социального контекстов. Те формальные изыскания в области поэтики, какие мы встречаем в начале XX в. у академика В.М. Алексеева, в середине века у академика Н.И. Конрада, частично у Л.З. Эйдлина, не получили продолжения и развития. Другими словами, изучения китайской литературы как художественного текста в советском и российском китаеведении почти не встречалось, тем более в 1990-е гг., когда подобный формат в силу целого ряда причин, в первую очередь, социального характера, и не мог быть востребован.

Известный своими исследованиями буддийской духовности и обрядности Г.Б. Дагданов вслед за анализом творчества Ван Вэя выпустил аналогичную работу уже о другом великом средневековом поэте, в стихах которого явно прослушивается буддийское звучание¹⁵. Появились интересные публикации, поставившие в фокус исследований творчество конкретных писателей XX в.¹⁶

В это же десятилетие вышли работы М.Е. Кравцовой¹⁷, в одной из которых текст «Канона поэзии» («Шицзин») рассмотрен в связи с целой серией канонов, а также в аспекте мифологии и традиционной обрядности, проанализированы проблемы происхождения и начальной стадии развития классической китайской поэзии на материале двух основополагающих памятников антологии «Шицзин» и свода «Чуские строфы», а другая¹⁸ представляет собой учебное пособие, рассматривающее литературу с культурологического ракурса.

В синологии постепенно вызревало понимание необходимости отхода от социологизированного жанра истории литературы и погружения в собственно литературоведческий анализ с привлечением как общей теории литературы, так и новейших методов исследования¹⁹. Интерес к китайской литературе начали проявлять крупные специалисты общего литературоведения²⁰.

В ИДВ РАН был выпущен сборник, в котором на материале как литературы, так и изобразительного искусства, кинематографии, образования, были комплексно исследованы положительные тенденции развития культуры и откровенно обозначены препятствия к этому развитию, возникшие в китайском обществе, особенно в 1920-е—1940-е гг.²¹.

Интересными работами была отмечена область китайской мифологии, исследования которой показали расширение и углубление процесса — в сторону Тайваня (лидер этого направления в отечественном китаеведении академик Б.Л. Рифтин собрал сказания народностей Тайваня и издал их на китайском языке²²) и даже за пределы земной цивилизации (И.С. Лисевич, к сожалению, не завершивший свои нестандартные начинания в области мифологии, в целом ряде легенд китайской древности обнаружил очевидные следы внеземных контактов, тем самым вплотную подошел к эзотерическим тайным доктринам, коими так богат многогранный Китай)²³.

Российское китаеведение в этот период обогатилось за счет исследований и переводов работ зарубежных коллег, обобщая культурологические поиски западных синологов²⁴ и переводя на русский язык наиболее содержательные исследования (в частности, книгу крупного английского сиолога профессора С.П. Фицджеральда — обширный и глубокий очерк истории Китая от неолита до конца XIX в., в котором достойное внимание уделено духовной культуре, искусству и литературе традиционного Китая)²⁵. Известный переводчик русской литературы Гао Ман сформулировал подходы китайских литературоведов к русской классике (статьи о Пушкине и Ахматовой)²⁶. В комплексный сборник, посвященный Л.Н. Толстому, была включена работа китайского автора, в кото-

рой в методике сравнительного анализа были сопоставлены два выдающихся представителя китайской и русской литератур²⁷.

Языкознание

Языкознание — достаточно специфическая сфера науки, рамки которой не слишком широки, и силы специалистов, ею занимающихся, ограничены. Тем не менее, уже в 1980-е гг. отечественные языковеды завершили гигантский фундаментальный труд по созданию «Большого китайско-русского словаря» под редакцией И.М. Ошанина, который серьезно облегчил исследовательские и переводческие работы во всех областях китаеведения.

Расширение китаеведческой базы в России потребовало большего количества языковых учебников. Для этого были привлечены наработки китайских коллег. Вышедший на рубеже 1990-х и 2000-х гг. российский учебник сохранил основную концепцию, содержание и структуру китайского издания (Пекин, 1986), максимально адаптировав его к задачам и условиям преподавания современного китайского языка в российских учебных заведениях. В связи с этим были уточнены тексты исходных комментариев китайского издания, введены новые упражнения по переводу, переработаны и дополнены страноведческие справки²⁸.

Среди языковедческих исследований 1990-х гг. обращают на себя внимание новаторские работы О.И. Завьяловой, посвященные исламским текстам в Китае и диалектам китайского языка.

Ислам проник в Китай при династии Тан (618–907 гг.) и шел по двум направлениям — северо-западному, вдоль Великого шелкового пути, и юго-восточному, морскому. На протяжении столетий китаезычными мусульманами, жившими в разных регионах страны и говорившими на разных диалектах китайского языка, были созданы религиозные памятники двух основных типов. Первый — это неоднократно описанные в литературе иероглифические тексты. Арабские и персидские термины — как и вообще заимствования, входившие в китайский язык, — представлены в этих текстах в иероглифической записи и могут варьироваться в разных памятниках и регионах. Второй тип памятников, до последнего времени почти неизвестный за пределами сино-мусульманского мира, — это особые алфавитные тексты на китайском языке, записанные арабскими и персидскими буквами в системе, именуемой *сяоцзин* (*сяоэрцзин*). Эти тексты, которые ныне во множестве издаются в современном Китае, до начала периода «реформ и открытости» были практически недоступны за пределами мира китайских мусульман. В нашей стране уникальные образцы подобных текстов хранятся в фонде Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге. Кроме того, они сохранились у дунган — потомков китаезычных мусульман, в XIX в. переселившихся на территорию Российской Империи из северо-западного Китая. Эти тексты, как было показано в работах О.И. Завьяловой, не только отражают особенности соответствующих китайских диалектов, но также обнаруживают явное персидское влияние — следствие активных культурных контактов между Китаем и Персией в период монгольской династии Юань²⁹.

В другой работе О.И. Завьяловой диалекты рассматриваются как носители высоко ценимых ныне региональных культур и средство этнической самоидентификации жителей разных районов страны. Впервые в истории изучения китайского языка было проведено лингвогеографическое исследование диалектов *гуаньхуа* (северных, мандаринских), основанное на выполненных автором картах, каждая из которых включала более чем тысячу пунктов. Эти карты позволили сделать важнейшее лингвистическое и этнокультурное открытие — ранее неизвестную диалектную границу вдоль реки Хуайхэ и хребта Циньлин. Географически это рубеж, разделяющий два природных региона — бассейн Хуанхэ и бассейн Янцзы. Исторически же открытая граница совпадает с несколь-

кими политическими границами, существовавшими в пределах современного Китая, в частности, в период формирования северных диалектов — с границей между чжурчжэньским государством Цзинь (1115–1234) и южным китайским государством Сун (1127–1279). По своему значению, как это подтвердили новейшие исследования китайских ученых, обнаруженная О.И. Завьяловой граница сопоставима или даже является более существенной, чем давно известный рубеж между так называемыми лингвистическим севером и лингвистическим югом страны вдоль реки Янцзы³⁰.

Театроведение

Изучение театра, имеющее в отечественном китаеведении давние корни и в 1935 г. стимулированное триумфальными гастролями великого Мэй Ланьфана, в 1990-е гг. обрело несколько заметных работ, в которых были исследованы различные тенденции китайского театра, его социальные корни, а также проникновение театральных традиций Востока в Европу.

Т.А. Малиновской были продолжены исследования жанра *цзинцзюй*, начатые В.Ф. Сорокиным в 1970-е гг.³¹. Современный драматический театр Китая был подвергнут анализу в ряде статей И.В. Гайды, опубликованных в журналах и книжных изданиях³². Некоторые исследователи посвятили свои работы творческим портретам известных деятелей театра и драматургии³³.

В течение десятилетий последовательно продолжает и углубляет свои театроведческие исследования С.А. Серова, до настоящего времени остающаяся ведущим специалистом по театру Китая. В работах 1990-х гг. она разрабатывала различные аспекты взаимосвязи и взаимовлияния китайского классического театра и общества, показав глубинную связь театра, театральной эстетики и драмы с явлениями общественной жизни³⁴. На новый — компаративистский — виток вышли ее исследования к концу десятилетия³⁵. Акцент в этой монографии сделан на обогащении русской культуры такими художественными традициями Востока, как пустое пространство, рассматриваемое как эстетический принцип, минимализация деталей и аксессуаров на сцене, вовлечение зрителя в со-творчество, мифологизация зрелища, возвращающего контекст к изначальной целостности времени и пространства.

Киноведение

Несмотря на то, что кинематография Китая — одна из старейших в мире (первый отечественный фильм был снят в 1905 г.), советское китаеведение ни до 1949 г. (образование КНР), ни после этого рубежа не включало анализ киноискусства в сферу своих научных интересов, оставив информацию о китайских фильмах журналистам и кинематографистам. Только в 1960-х гг. появились первые работы по истории китайского кино, а систематическое научное изучение его началось лишь в 1970-е гг. Межгосударственное потепление отношений дало возможность непосредственного ознакомления с фильмами и киносценариями, с аналитическими публикациями прессы КНР в ходе визитов в страну и стажировок в различных научных и учебных заведениях, в том числе и в Пекинском институте кинематографии. Это открыло пути к углублению киноведческой аналитики. Серьезный специалист общего профиля впервые заинтересовался китайским киноискусством и включил аналитическую статью о режиссере Чжан Имоу в свою книгу, где собраны творческие портреты крупнейших кинорежиссеров мира³⁶, в 1999 г.

Серьезные и последовательные исследования кинематографии как киновед и историк кино вел с 1970-х гг. С.А. Торощев³⁷, который фактически открыл для отечественного китаеведения это научное направление. В 1990-е гг. им были разработаны такие аспекты, как социально-политический статус кинематографии КНР³⁸, эстетика китайского кино³⁹. Позже он сконцентрировал внимание на бесспорном лидере китайского киноис-

куста Чжан Имоу, неоднократном призере ведущих международных кинофестивалей (Канн, Венеция, Берлин). Через целую серию статей об этом режиссере⁴⁰ он постепенно подошел к изданной уже в 2000-е гг. первой за пределами Китая монографии об этом крупнейшем режиссере, где не только подверг анализу его сложное, состоящее из нескольких направлений и жанров, творчество, но и проанализировал через призму этой фигуры развитие китайской кинематографии в целом.

Новым направлением в изучении китайской кинематографии стали работы по киноискусству Тайваня, до тех пор совершенно неизвестному в нашей стране. Это стало возможным после длительной стажировки в Национальном киноархиве в Тайбэе, возможность которой была предоставлена С.А. Торопцеву в 1994 г. Итогом этой работы стала первая в России книга по истории этого островного киноискусства⁴¹, имеющего высокий авторитет в мире и принципиально отличающегося от континентального искусства, а также анализ авангардной молодой «новой кинематографии» Тайваня⁴². Привезенный С.А. Торопцевым из Тайбэя фильм «Осенняя казнь» маститого режиссера Ли Сина стал первым фильмом Тайваня, показанным по российскому телевидению.

Авторитет российских исследований китайской кинематографии получил признание в мире, и ряд работ были опубликованы на китайском языке в КНР (в 1980-е гг.) и на английском языке в Индии⁴³ — в журнале, авторитетном не только в этой стране, но и во всем мировом киносообществе.

Изучение изобразительного искусства

Создание музейных коллекций китайских художественных артефактов началось в России в XVIII в., сначала в Кунсткамере, в XIX в. — в Эрмитаже и в XX в. в Москве в Музее искусств Азии.

В начале XX в. началось изучение этих коллекций, была опубликована первая серия статей этнографо-музееведческого характера. Важнейшую роль в становлении искусствоведческой составляющей в советском Китаеведении сыграл академик В.М. Алексеев. В 1970–1990-е гг. целый ряд оригинальных и глубоких исследований, преимущественно в сфере эстетики и философии искусства, были подготовлены Е.В. Завадской⁴⁴.

В 1990-е гг. лидерами в этой сфере продолжали оставаться Китаеведы Москвы и Петербурга, которые занимались предметами знаменитой китайской керамики⁴⁵, шелковыми изделиями⁴⁶, атрибуцией произведений⁴⁷, портретной живописью⁴⁸, общими искусствоведческими проблемами китайской живописи⁴⁹.

Изучение системы образования

Еще в 1970–1980-е гг. Китаеведы Института Дальнего Востока АН СССР начали вести последовательные исследования системы образования в КНР, утверждая их как *новое направление в советском Китаеведении*, хотя и достаточно разработанное в то время в трудах западных и японских специалистов по Китаю. В 1974 г. появилась первая небольшая монография на эту тему, охватывающая период от «большого скачка» до 1972 г., а в 1980 г. — коллективный труд, анализирующий курс руководства КНР в первые тридцать лет становления и развития науки и образования в КНР в контексте политической борьбы и экономических экспериментов⁵⁰. В конце 1980-х гг. Китаеведы ИДВ АН СССР вслед за их предшественником из Академии педагогических наук В.З. Клепиковым, защитившим диссертацию по образованию в Китае второй половины XIX — первой половины XX в., обратились к анализу значения республиканского периода 1920–1940-х гг. для исследования тенденций современных реформ в сфере образования⁵¹.

Возобновившийся с середины 1980-х гг. обмен студентами, преподавателями и научными работниками по линии министерств образования двух стран, к началу 1990-х гг. дал возможность научным сотрудникам АН СССР, получившей свою квоту в обмене,

вести полугодичные и даже годовые полевые исследования в КНР. Благодаря этому к началу десятилетия появляются статьи советских ученых, черпавшие материал не только из бумажных источников (китайской периодики и немногочисленных доступных в СССР трудов зарубежных ученых), но и обогащенные полевыми исследованиями — посещениями школ и университетов КНР, отделов образования разных провинций, интервью с преподавателями и сотрудниками органов образования. Пребывание в стране, помимо прочего, резко расширяло доступ российских китаеведов к первоисточникам, в частности, к весьма обширной педагогической периодике, в том числе и провинциальной.

Все вышеизложенные факты, а также опыт исследований политики КНР в области образования, накопленный молодыми учеными Института Дальнего Востока АН СССР/РАН в течение двух десятилетий, позволили им в 1990-е гг. впервые выйти за рамки узкополитических и чисто китаеведческих работ. Китай в те годы декларировал цель создания собственной национальной модели социалистической системы образования. При этом после почти 20-летней самоизоляции от внешнего мира он обратился к зарубежному опыту, заимствуя его и пытаясь перенести лучшее на китайскую почву. Подобные эксперименты вновь после 1950-х гг. возродили интерес китайских педагогов к трудам советских коллег. Более того, этот интерес оказался взаимным — после почти тридцатилетнего перерыва статьи по реформе образования в КНР начал публиковать ведущий теоретический журнал «Педагогика». Все это потребовало от китаеведов, посвятивших себя образовательной тематике, расширить свой кругозор, обогатив его междисциплинарными концепциями и достижениями западной теоретической мысли.

Одной из сквозных тем исследований в сфере образования КНР стало формирование национальной образовательной модели в условиях интернационализации. Первым подходом к теме явилась публикация пока еще поверхностной обзорной статьи «О восприятии идей мировой педагогики в Китае», бегло охватывающей более чем вековой период внедрения в Китае «западных учений» с акцентом на прошлое, настоящее и будущее взаимодействия российской и китайской педагогик. В статье подчеркивался ряд принципиально новых моментов заимствования Китаем зарубежного опыта — установка на предварительный глубокий теоретический анализ с последующими осторожными экспериментами, учитывающими национальную специфику, а также преимущественная ориентация на совершившие «прыжок» развивающиеся страны Юго-Восточной Азии⁵². В этом контексте весьма своевременным стала публикация обзора о специфике образования на Тайване⁵³.

Внедрение ряда западных методик в теорию образования и практику учебных заведений вызывало бурные дискуссии как в самом Китае, так и среди зарубежных ученых. Поэтому не случайно изучение направленности китайских реформ — модернизация или вестернизация — занимало умы и российских китаеведов. Проведенный ими анализ позволил сделать вывод, что Китаю не грозит «вестернизация» в устоявшемся толковании этого термина, скорее речь идет об активизации процессов интернационализации при том, что именно синтез педагогической традиции стран Юго-Восточной Азии с идеями западной педагогики может стимулировать развитие образования в XXI в.⁵⁴

В 1990-е гг. стремительно развивающиеся информационные системы, рост активности международных фондов и организаций, интернационализация рынка труда сделали развитие образования внутри стран зависимым от многих международных факторов. Рождалась парадигма мирового системного анализа. Пересмотру подверглась и роль образования в процессе модернизации — больше внимания обращалось на воспроизводство им социального неравенства. Для проведения исследований на современном международном уровне нужны были специалисты иного класса, способные осуществлять исследования в транснациональном контексте.

К сожалению, в России и без того немногочисленные ряды специалистов по Китаю, заинтересованных в разработке образовательной тематики, к тому времени пореде-

ли. Данное направление в основном продолжала разрабатывать в то время кандидат филологических наук, а впоследствии — доктор исторических наук сотрудник Института Дальнего Востока РАН Н.Е. Боровская. Ее почти годовая стажировка в Центре сравнительных и международных исследований образования Университета штата Нью-Йорк (США) в 1995—1996 гг. дала возможность вывести тематику российских исследований по китайскому образованию на уровень современной международной компаративистики, а также обогатить принятую в советский период теоретическую платформу этих исследований передовыми западными теориями модернизации и человеческого капитала.

В результате в 1997 г. появилась статья, впервые исследовавшая китайскую модель образования как часть столь модной в то время в западной синологии «азиатской модели», противопоставляемой кризису западной школы⁵⁵. В статье в новом для российской синологии 1990-х гг. русле был дан критический анализ работ американских компаративистов, ставивших спорный вопрос об уникальности «азиатской модели». Некоторые из них связывали эффективность развития их образовательных систем с особыми методами накопления человеческого капитала, другие рассматривали «азиатскую модель» в контексте конфуцианской цивилизационной традиции. В целом, в работе отмечены как аспекты, отличавшие китайскую систему образования от модели «драконов» Юго-Восточной Азии, так и их общие характерные черты. К последним относится традиционная для стран этого региона патерналистская роль государства.

1990-е гг. явились переходным периодом к новой экономической, а иногда и политической модели не только для Китая и России, но и для ряда стран Восточной Европы. Соответственно ученым этих стран, и китаеведам в том числе, пришлось обратиться к компаративистике, чтобы полнее исследовать ряд общих проблем, в том числе изменение ряда функций государства и появление его новых обязательств, в частности, поиск баланса децентрализации микрополитики и централизации макроконтроля (в т.ч. разработка государственных учебных программ и стандартов). С этих позиций опыт Китая первой половины 1990-х гг. оказался весьма интересен для ряда развитых стран Запада, в частности, США с его крайностями независимой образовательной политики каждого штата. Пристальному изучению азиатской модели государственного регулирования образовательной политики при достаточно ограниченной, но все же самостоятельной роли местных властей была посвящена изданная в США международная монография, в которой приняли участие и российские китаеведы⁵⁶.

К середине 1990-х гг. Россия все отчетливей осознает необходимость перехода от реформы образования к его модернизации, возрастает роль образования в создании информационного общества. Следствием этого является и растущий интерес педагогической общественности к успехам модернизации образования в прежде столь отсталой стране, как КНР. Поэтому столь востребованным оказался и первый достаточно систематизированный сравнительный анализ образовательной политики двух стран, где акцент был сделан на сопоставлении роли государства в определении целей, задач и структурной реформы системы образования на основе Законов об образовании двух стран и других основополагающих государственных документов. Особое внимание уделялось обеспечению государством приоритетности образования в процессе социально-экономических преобразований, а также его образовательной политике в условиях растущего социального расслоения⁵⁷. С этих пор в работах по данной тематике все отчетливей высвечивается такой новый аспект, как потенциал использования Россией опыта соседней страны при решении сходных проблем модернизации системы образования.

В течение всего десятилетия российские китаеведы исследовали базовые составляющие новой образовательной стратегии КНР. Впервые появляются статьи по отдельным направлениям образовательных реформ в КНР — управленческой, финансовой и пр., их реализации на разных уровнях системы образования — школьном и университетском. Публикация фактологически насыщенной статьи на тему децентрализации

управления учебными заведениями в Китае оказалась чрезвычайно актуальной для новой России, проводившей в начале 1990-х гг. (см. Закон РФ об образовании от 1992 г.) реформу советской системы образования и остро заинтересованной в изучении опыта соседа, насчитывавшего к тому времени уже более десятилетия. С научных позиций ценность данной публикации усиливалась привлечением материала полевых исследований, проведенных автором в пров. Цзянсу⁵⁸.

Успешно продолжались исследования соотношения централизации с регионализацией управления и финансирования учебных заведений в КНР, специфики создания там различных моделей региональных образовательных систем, определяемых как экономическими, так и социо-культурными факторами, но при стимулировании наиболее продвинутых регионов. При этом на основании статистических данных подтверждался вывод о том, что региональный разрыв в уровне образования определялся не столько количественными, сколько качественными показателями, этот разрыв углублялся, и его сокращение следовало искать на пути создания собственной, оптимальной для местных условий структуры образования, а также в сотрудничестве регионов⁵⁹.

Продолжением исследований роли государства в ходе модернизации системы образования стала работа, посвященная анализу его политического и финансового участия в процессе приватизации в сфере образования⁶⁰.

* * *

Итак, в целом в 1990-е гг. в российских исследованиях китайской культуры, несмотря на все сложности переходного периода, появляется проблемный подход и современная методология, в т.ч. компаративистская, что вывело их на международный уровень. В наибольшей степени это проявилось в сфере изучения образования. Были проанализированы (пока еще в общем виде) основные направления модернизации системы образования КНР, характерные и для других стран: интернационализация, децентрализация, приватизация, дифференциация. Они были систематизированы в посвященной 50-летию КНР статье «От школы классической к школе постиндустриальной»⁶¹.

И в других областях культуры отечественное китаеведение вышло на новый уровень глубины исследований и широты охвата исходного материала. Так был заложен фундамент для более глубокого анализа проблем культуры и образования в XXI в.

-
1. Литература и искусство КНР начала 90-х годов. М., 1992.
  2. *Гольгина К.И.* "Великий предел": Китайская модель мира в литературе и культуре (I-XIII вв.). М., 1995.
  3. *Малявин В.В.* Китай в XVI—XVII вв.: Традиция и культура. М., 1995; Сумерки Дао. Культура Китая на пороге Нового времени. М., 2000.
  4. *Малявин В.В.* Молния в сердце. Духовное пробуждение в китайской традиции. М., 1997.
  5. *Малявин В.В.* Китайская цивилизация. М., 2000.
  6. *Зинин С.В.* Космос и человек в китайской культуре: звезды и восемь ветров "ба фэн". М., 1993.
  7. Цзинь, Пин, Мэй. Иркутск, 1994 / пер. В.С. Манухина, вступ. ст. Б.Л. Рифтина; *Ли Юй.* Полуночник Вэйян, или Подстилка из плоти / пер. и предисл. Д.Н. Воскресенского. М., 1996.
  8. Бамбуковые страницы: Антология древнекитайской литературы. Пер. с дрекнежит / Сост., вступит. ст., коммент. И.С. Лисевича. М., 1994.
  9. *Чжан Синьсинь, Сан Е.* Дракон меняет облик. Китайцы сегодня. М., 1992.
  10. *Ба Цзинь.* Избранное: Сборник. Пер.с кит. / Сост. и предисл. В. Сорокина. М., 1991 (Мастера соврем. прозы).
  11. Взлетающий феникс. Современная китайская проза / Сост. Н.В. Захарова, В.И. Семанов. М., 1995.
  12. *Черкасский Л.* Ай Цин — подданный Солнца. Книга о поэте. М., 1993.
  13. Постоянство пути. Избранные танские стихотворения в переводах В.М. Алексева. СПб., 2000.
  14. Китайская пейзажная лирика. 2-е изд. В 2 т. М., 1999.

15. *Дагданов Г.Б.* Мэн Хаожань в культуре средневекового Китая. М., 1991.
16. *Лебедева Н.А.* Сяо Хун. Жизнь, творчество, судьба. Владивосток, 1999.
17. *Кравцова М.Е.* Поэзия древнего Китая: Опыт культурологического анализа. СПб., 1994.
18. *Кравцова М.Е.* История культуры Китая. Учебное пособие. СПб., 1998.
19. *Зинин С.В.* Протест и пророчество в традиционном Китае: Жанр *яо* с древности до XVII в. н.э. СПб., 1993.
20. *Бахтин М.М.* Особенности китайской литературы и ее история // *Бахтин М.М.* Эстетическое наследие и современность. Саранск, 1992.
21. Китайская культура 20–40-х годов и современность. М., 1993.
22. *Рифтин Б.Л.* От мифа к быличке: Сравнительное исследование мифов и сказок аборигенов Тайваня. Тайчжун, 1998; Пекин, 2001 (на кит. яз.).
23. См. мемориальный сборник: Лисевич И.С. Мозаика древнекитайской культуры. М., 2010.
24. *Зинин С.В.* Новые западные исследования по средневековой китайской литературе». — «Восток», 1993, № 6.
25. *Фицджеральд С.П.* Китай. Краткая история культуры. М., 1998.
26. Пробл. Дальнего Востока. 1990, № 3; Наш современник. 1999, № 10.
27. *Ни Жуйцинь.* Ба Цзинь и Л.Н. Толстой // Слово и мысль Льва Толстого. Казань, 1993.
28. *Кондрашевский А. Ф., Румянцева М. В., Фролова М. Г.* Практический курс китайского языка. В 2 т. М., 2000.
29. *Завьялова О.И.* Сино-мусульманские тексты: графика — фонология — морфонология // Вопр. языкознания. 1992. № 6.
30. *Завьялова О.И.* Диалекты китайского языка. М., 1996.
31. *Малиновская Т.А.* Очерк истории китайской классической драмы в жанре *цзацзюй* (XIV–XVII вв.). М., 1996.
32. *Гайда И.В.* Время и драматургия (театр КНР начала 90-х гг.). // Информ. бюлл. ИДВ. М., № 1. 1995.
33. *Аджимамудова В.С.* Тянь Хань: портрет на фоне эпохи. М., 1993.
34. *Серова С.А.* Китайский театр и традиционное китайское общество. XVI — XVII вв. М., 1990.
35. *Серова С.А.* Театральная культура Серебряного века в России и художественные традиции Востока (Китай, Япония, Индия). М., 1999.
36. *Плахов А.* Всего 33. Звезды мировой кинорежиссуры. Винница, 1999.
37. *Торопцев С.А.* Трудные годы китайского кино. М., 1975; *Торопцев С.А.* Очерк истории китайского кино, 1966–1986. М., 1979; *Торопцев С.А.* Свеча на закатном окне: Заметки о китайском кино. М., 1987.
38. *Торопцев С.А.* Китайское кино в «социальном поле». М., 1993.
39. *Торопцев С.А.* Изображение и слово в китайском «новом кино» // Пробл. Дальнего Востока. 1998. № 4; *Торопцев С.А.* Тайваньское кино на скрещении традиций и авангарда (творческий облик режиссера Хоу Хаосяня) // Пробл. Дальнего Востока. 1997. № 3; *Торопцев С.А.* Реальное и чувственное («восточный» и «западный» типы сексуальных отношений в фильмах КНР) // Пробл. Дальнего Востока. 1996, № 6.
40. *Торопцев С.А.* К «Красному гаюляну» через Ницше, Фромма, Лаоцзы // Восток. Запад. Взаимодействие цивилизаций. 1992. № 0. С. 20–22.
41. *Торопцев С.А.* Кинематография Тайваня. М., 1998.
42. *Торопцев С.А.* «Новое кино» Тайваня. М., 1997.
43. *Toroptsev S.* The Viewer Viewed // *Cinemaya. Delhi*, 1991, №12. P. 4–8; *Toroptsev S.* The Space of the Subjective // *Cinemaya. Delhi*, 1992, №16. P. 14–17.
44. *Завадская Е.В.* Ихэюань — сад, творящий гармонию. М., 1991.
45. *Арапова Т.Г.* Дальневосточный фарфор в России 17–20 вв. СПб., 1994.
46. *Лубо-Лесниченко Е.И.* Китай на Шелковом пути. М., 1994; *Меньшикова М.Л.* Китайские шелковые ткани из Египта // Сообщ. Гос. Эрмитажа. СПб., 1997. Вып. 7.
47. *Меньшикова М.Л.* Ли Хун-чжан и Николай II: к вопросу об истории некоторых китайских вещей в коллекции Эрмитажа // Кунсткамера: Этногр. тетради. СПб., 1995. Вып. 7.
48. *Самосюк К.Ф.* Портреты тангутских императоров / Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. СПб, 1993.

49. *Виноградова Н.А.* Пань Тянь-шоу и традиции живописи гохуа. М., 1993; *Соколов-Ремизов С.Н.* Между прошлым и будущим: Живопись и каллиграфия Китая и Японии на рубеже веков // XXVIII науч. конф. «Общество и государство в Китае». М., 1998.
50. *Боревская Н.Е.* Школа в КНР, 1957–1972 гг. М., 1974; *Антиповский А.А., Боревская Н.Е., Франчук Н.В.* Политика в области науки и образования в КНР, 1949–1979 гг. М., 1980.
51. Современное образование и реформа школы 20–40-гг. // Китайская культура 20–40-х годов и современность. М., 1989. С. 200–234.
52. *Боревская Н.Е.* О восприятии идей мировой педагогики в Китае // Педагогика. 1991. № 9. С. 128–135.
53. *Боревская Н.Е.* Образование на Тайване // Современный Тайвань. Информ. бюлл. ИДВ. 1992. Вып. 2.
54. *Боревская Н.Е.* Модернизация или вестернизация? (Специфика китайской школы) // Пробл. Дальнего Востока. 1993. № 4, С. 82–92.
55. *Боревская Н.Е.* Китайская образовательная стратегия в азиатском контексте // Педагогика. 1997. № 3. С. 86–95.
56. *Borevskaya N.* The Role of the State in Educational Reform in the PRC. // *The Challenge of Eastern Asian Education: Implications for America* (W.K.Cummings, Ph. G. Altbach eds.). Albany, 1997. P. 265–274.
57. *Боревская Н.Е.* Образовательная политика в Китае и России: сравнительный анализ // Педагогика. 1996. № 1. С. 94–103.
58. *Боревская Н.Е.* Управление образованием в Китае // Педагогика. 1992. № 11–12. С. 108–114.
59. *Боревская Н.Е.* Регионализация как составная стратегии образования в Китае в 90-е годы // Пробл. Дальнего Востока. 1997. № 3. С. 129–141.
60. *Боревская Н.Е.* Негосударственные образовательные учреждения в Китае // Педагогика. 1999. № 1. С. 92–102.
61. *Боревская Н.Е.* От школы классической к школе постиндустриальной // Китай на пути модернизации и реформ. М., 1999. С. 559–579.